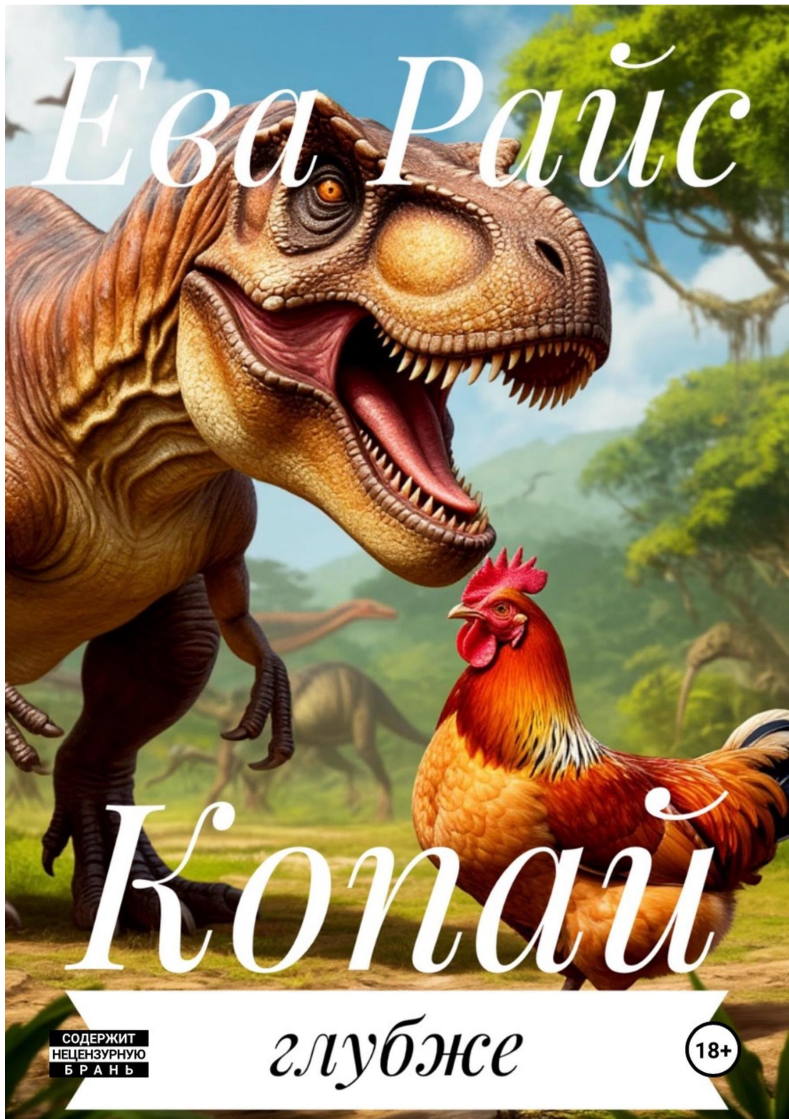

Ева Райс

Копай

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

глубже

18+

Ева Райс

Копай глубже

<https://litres.ru/73550906>

SelfPub; 2026

Аннотация

Безработные Саня и Тоха, раздолбаи с кучей долгов, решили найти скелет динозавра и быстро разбогатеть. Они еще не знают, что вляпались в историю покруче "Парка Юрского периода".

Добро пожаловать в криминальный научпоп из Подмосковья. Где эволюция напоминает нам, что курица - это тираннозавр, у человека пять пар жабр, а наш мозг до сих пор исполняет "бей, беги, замри".

Осторожно: после прочтения вы начнете рассматривать стены в метро и будете знать о динозаврах больше, чем некоторые ученые.

Наука - это страшно. Особенно когда за нее убивают.

Содержание

Глава 1. Где ночуют мечты	4
Глава 2. План "Борщевик"	13
Глава 4. Сезон дождей	27
Глава 5. Легенда трещит по швам	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ева Райс

Копай глубже

Глава 1. Где ночуют мечты

Саня Маслов сидел в своей студии в Кузьминках и смотрел на 18-летний "Макаллан" так, как смотрят на бывших – с болью, обидой и смутным пониманием, что все хорошее осталось в прошлом.

Вискарь он купил в дьютифри после успешной сделки, думал выпить, когда случится особенный повод. Но даже после повышения по службе, покупки машины, свадьбы, годовщины свадьбы бутылка оставалась нетронутой, то ли берег, то ли жадничал.

Бывший логист и бывший муж в сотый раз перечитал объявление на "Авито": "Макаллан, коллекционный, цена договорная". Ни одного просмотра за последнюю неделю, никто не покупал алкоэсклюзив уже третий месяц..

Еще год он назад организовывал поставки из Шанхая, имел машину и кредит, который тогда казался смешным. Потом пришли санкции, разорвались цепочки поставок, и смешной кредит стал вдруг неподъемным.

– Саня, ты где? – раздалось из коридора.

Дверь скрипнула, и в комнату ввалился Тоха, лохматый

и вечно сонный дрыщ. Всю ночь он рисовал очередной комикс, который снова не купит ни одна редакция.

Два высших образования давали Тохе моральное право презирать общество потребления, но не добавляли денег, чтобы в нем хоть как-то участвовать.

– Ты чего не открывал? Я звоню уже полчаса.

– У меня просрочка, Тоха. Четыре месяца. Пени ужасные. Сегодня звонили из банка, сказали, что если до конца месяца не заплачу, то опишут имущество.

– А что у тебя из имущества? Стол, диван, икеишный шкаф, старый ноут. – Только мебель.

– Для банка – это имущество. Даже табуретку заберут. На очереди – квартира.

Саня смотрел на друга с той особенной тоской, которая бывает у давно не евших людей.

– Пошли в чебуречную, – сказал Тоха. – Я угощаю. Ты знаешь, что голод – главный двигатель прогресса?

Кафе казалось рудиментом 90-х: пластиковые столы, очередь из пенсионеров и таких же неудачников, как они.

Взяли по чебуреку и чай. Тоха сразу впился зубами в свой, обжигаясь и матерясь. Саня смотрел в окно и горевал о том, как дожил до тридцати восьми лет, чтобы сидеть в этой забегаловке и считать копейки.

– Слышь, – Тоха доел чебурек и облизал пальцы. – А ты в курсе, что рядом с нами палеонтологический музей?

– И что?

– А то. Динозавры, говорят, стоят дорого.

Саня задумался. У динозавров не было разводов. Они просто съедали партнера после спаривания и шли дальше. Эволюционно и эффективно. Никаких тебе алиментов, никаких адвокатов, один кусь, и ты свободен.

– Ты хочешь украсть динозавра?

– Зачем красть? Их в земле полно. В Подмосковье есть заброшенные карьеры под Рузой, на Авито можно древности всякие загонять.

– А ты откуда такой умный?

– Из интернета. 165 млн лет назад в Москве море было. Представляешь? Там аммониты плавали, белемниты, ихтиозавры...

– Ихтио... кто?

– Ящеры морские. Типа дельфинов. Если такого найдем – озолотимся. Кстати, они сжирали по двести килограмм рыбы в день.

Саня посмотрел на пустую тарелку, на остывший чай, на Тоху с безумными глазами. Идея, конечно, была идиотская, но других вариантов пока нет.

– Пошли, – сказал он.

– Куда?

– В музей. Раз уж рядом. Посмотрим на твоих аммонитов. И вообще, бесплатно же, первый вторник месяца.

Здание палеонтологического музея имени Ю.А. Орлова на Профсоюзной невозможно не заметить. Красный кирпич,

башни, узкие окна выглядят как средневековая крепость. Внутри было прохладно, тихо, пахло пылью веков и немного нафталином.

Саня замер на пороге. Перед ними, заняв все стену от пола до потолка, возвышалось керамическое панно "Древо жизни" – пятьсот квадратных метров эволюции, выложенных вручную. Рыбы, выходящие на сушу. Ящеры, взлетающие в небо. Обезьяны, становящиеся людьми.

– Охренеть, – выдохнул Тоха. – Умели же в советское время делать масштабно. Смотри, вот ихтиостега, переходная форма между рыбами и амфибиями. А это диметродон, он хоть и ящер, но ближе к млекопитающим.

400 миллионов лет назад наши предки были кистеперыми рыбами, которые выползли на сушу. У них начали развиваться конечности, легкие и глаза.

Все эти стадии эволюции видны в росте человеческого эмбриона: у него есть жаберные дуги как у рыбы и хвост. В общем, с обезьянами мы, максимум, очень дальние родственники по общему прапрадедушке.

– Теперь стало ясно, почему я так люблю плавать. А хвост то куда девается?

– На восьмой неделе он рассасывается. Виноват прыгающий ген, взял и встроился в нужное место, а у нас хвосты перестали расти. При этом часть клеток хвоста идет на формирование двух задних полушарий и конечностей.

Они пошли дальше, зал за залом. Скелеты мамонтов, ска-

лящиеся черепа пещерных медведей. Саня невольно прикидывал, сколько может стоять, например, вон тот бивень, если его аккуратно...

– Не смотрите так, – раздался голос за спиной. – Он не продается.

Ребята обернулись. Перед ними стояла девушка в синем халате. Короткая стрижка, бейджик "Катерина, младший научный сотрудник" и глаза с тем самым огоньком увлеченных своим делом людей, который приводит обычно к хроническому безденежью.

– Вы смотрели на бивень мамонта так, будто прикидывали, войдет ли он в багажник. Я Катя, провожу экскурсии. Хотите послушать?

– Хотим, – выпалил Тоха, пихнув Саню локтем. – Очень хотим.

Катя рассказывала про юрский период так, будто сама там жила. Про аммонитов, главных хищников своего времени. Про белемнитов, которые охотились на мелкую рыбу.

– Вот этот скелет, – она указала на огромного ящера с длинной шеей, – это плезиозавр. Морской ящер. Жил в юрском периоде. Питался рыбой и моллюсками. Достигал длины до 15 метров.

– Это как автобус? – переспросил Тоха.

– Примерно. Только автобус не кусается.

– А ихтиозавры чем отличаются? – спросил он.

– Ихтиозавры больше похожи на дельфинов. Форма те-

ла обтекаемая, плавники, хвост. Они были более быстрыми. Плезиозавры – более маневренными за счет длинной шеи. Но и те, и другие – хищники.

– А в Подмосковье их находили?

Катя посмотрела на него внимательно:

– Находили фрагменты. Позвонки, зубы, ребра. Целых скелетов почти никогда. Это большая редкость.

– А почему?

– Из-за условий захоронения. Чтобы скелет сохранился целиком, нужно, чтобы тело быстро покрылось осадком. А в море это редко бывает. Обычно падальщики растаскивают кости, течения размывают.

– То есть найти целого динозавра нереально.

– Это была бы мировая сенсация.

Саня и Тоха переглянулись.

– А где искать? – спросил Тоха и тут же понял, что ляпнул лишнее.

Катя усмехнулась: – В Тучково, там келловейский ярус, очень богатый. Но это частная территория под охраной. Или в Рыбинск можно прокатиться.

– Мы просто... чисто теоретически, – попытался выкрутиться Тоха.

– Конечно, – Катя кивнула с абсолютно серьезным лицом. – В восточной части, где глины выходят на поверхность. Но теоретически там еще и обвалы бывают.

– А... а как туда попасть? – не унимался Тоха.

– Легально – никак. Карьеры частные, без разрешения нельзя. Статья 243.2 УК РФ – до шести лет, если группой лиц по предварительному сговору.

Катя смотрела на них с той смесью любопытства и подозрения, с которой смотрят на потенциальных преступников. – Но вы же законопослушные?

– Абсолютно, – в один голос ответили Саня и Тоха, и это было, пожалуй, их самым неискренним заявлением.

– Ну и правильно. Хотя, если честно, черные копатели там все равно хулиганят. Находки потом на форумах всплывают или в частные коллекции уходят. – Катя понизила голос, переходя на доверительный тон. – Недавно один парень продал аммонит *Cardioceras* за двести тысяч. Хорошей сохранности, с перламутром. А наш музей не может позволить себе экспонаты. Представляете?

Саня представил. Двести тысяч. Это четыре месяца платежей по ипотеке.

– Нам бы только посмотреть, – ляпнул Тоха и тут же пожалел.

Катя улыбнулась так, что Тоха сразу почувствовал себя прозрачным как медуза в формалине.

– Вы, я смотрю, любознательные. Коллекционеры?

– Безработные, – честно сказал Саня.

– А если мы просто погуляем там.

– Ну, если просто погулять – то лучше весной. Или осенью, после дождей. Когда слои обнажаются, и травы еще нет.

И держитесь подальше от работающей техники. И от борщевика. Знаете, что он делает с кожей?

– Что?

– Ожоги третьей степени. Растение, которое эволюционировало так, чтобы его никто не жрал. А люди все равно лезут.

– Спасибо, – сказал Саня.

– Не за что. – Катя уже собиралась уходить, но остановилась. – Кстати, если найдете что-то интересное – звоните. Я серьезно. Лучше отдать науке, чем сесть.

Она протянула визитку. Обычную, бумажную, с телефоном и почтой.

– Я запишу, – сказал Саня, хотя уже запомнил наизусть.

Экскурсия закончилась. Катя проводила их до выхода и остановилась у дверей.

– Ребята, – сказала она вдруг серьезно, – я понимаю, что вы не просто так ходите. Не знаю, что вы задумали, но будьте осторожны. Черный рынок палеонтологии – это миллиарды долларов. И дело не только в деньгах. Мы не против коллекционеров. Мы против того, чтобы история принадлежала одному человеку. Наша задача сделать так, чтобы миллионы лет не исчезали в особняке какого-то олигарха, а оставались для потомков.

Парни вышли из музея и остановились покурить.

– Надо ехать. Это же ароморфоз в лучшую жизнь, из амёб в люди. Только сначала подготовимся.

Они спустились в метро, и тут Тоха снова застыл.

– Смотри! – заорал он, тыча пальцем в колонну. – Ты это видишь?

Саня присмотрелся. В мраморе, которым была облицована колонна, отчетливо виднелись спиральные узоры.

– Это, блин, аммонит! В стене! Саня, мы каждый день ходим по динозаврам и не замечаем!

Подошел поезд. Они зашли в вагон, но Тоха не унимался:

– Катя говорила, на "Парке Победы" такие вообще размером с табуретку!

Представляешь? Там использован итальянский мрамор "Аммонитико Россо" с раковинами диаметром до 60 сантиметров. А на "Добрынинской" кораллы! На "Красносельской" морские лилии!

У нас в метро ископаемых больше, чем в некоторых музеях. И вход дешевле. Мы ходим каждый день мимо и не замечаем.

Глава 2. План "Борщевик"

На следующий день Саня лежал на диване и думал о том, что у динозавров наверно не было кризиса среднего возраста.

Они просто жили, жрали, размножались и умирали. Если у тебя проблемы – либо ты кого-то съел, либо съели тебя. Простая двухходовка.

А у человека кризис наступает ровно в тот момент, когда он понимает, что жрать нечего, размножаться не с кем, а умирать еще рано. И существует миллион способов избегать решения проблем.

Телефон зажужжал. Тоха прислал сообщение: "Ты где? Я накопал инфу. Приезжай срочно".

Саня посмотрел на часы. Было 11 утра. Кроме вчерашнего чебурека он больше ничего не ел, если не считать просроченного йогурта и колбасы, которая, похоже, была старше некоторых древностей.

– Поеду, – сказал он вслух. – Динозавры – это нефть. Это золото. Это...

Коммуналка Тохи находилась в доме, который строили еще при Брежневе и, кажется, так и не достроили. Плезиозавр с шеей 8 метров мог бы заглянуть к соседям без стука. А мы дверями мучаемся домофонами, кодами... Вот он, прогресс.

Дверь открыл Тоха, который выглядел как рептилия после мел-палеогенового вымирания. В малюсенькой комнате на каждом сантиметре были разбросаны рисунки, наброски, комиксы и просто листочки с каракулями.

– Смотри, – Тоха разложил на столе распечатки. – Я тут вписался на форум черных копателей. Обсуждаем с "КОРАТЕЛ_77", "DinoHunter", "AmmonitMaster" места, ценники и как не попасться.

Рядом лежали карты, фотографии, какие-то схемы и заметки, исписанные мелким почерком.

– Это что?

– Это, Саня, наше будущее. Тучковские карьеры, несколько больших ям, принадлежат "Рузскому горно-обогатительному комбинату". Там было теплое мелкое море с кучей живности.

Охрана есть, но ленивая. Работают посменно. Лучшее время для захода – пересменок, около 10 утра и 6 вечера.

– Слушай, а может, ну этих аммонитов? Давай сразу на тираннозавра нацелимся! Это же икона палеонтологии.

– Тираннозавры в Африке водятся и в Америке. А у нас – Подмосковье.

– Ну, а диплодок? У него шея длинная, костей много – если найдем, вообще озолотимся!

– Диплодоки в Северной Америке. У нас рыбы плавали и ящеры морские. Сухопутных динозавров в Центральной России практически нет.

– То есть нормального динозавра раскопать нельзя?

– Можно мамонта. Но мамонты – это ледниковый период, 10 тысяч лет – не наш уровень. Нам нужно что-то постарше, чтобы прайс был повыше.

– А где вообще тираннозавров всяких находят?

– Монтана, Южная Дакота, Вайоминг... Канада еще. Там целые кладбища. Самый дорогой скелет Стэн ушел за 31 миллион долларов. А недавно стегозавра за 44 миллиона продали.

– Вот бы нам так...

– Для этого нужно в Америку ехать. А у нас денег даже на билет до Тучково нет.

– А в Монголию? Там же тоже динозавров до фига.

– В Монголии экспорт ископаемых запрещен. За это сажают и надолго. Помнишь историю с Николасом Кейджем?

– А че Кейдж?

– Купил череп тарбозавра за 180 тысяч долларов, перебил ставку ДиКаприо, а череп оказался украден из Монголии. Пришлось возвращать. Так что едем в Тучково, копаем аммониты. И не ной.

– А в Китае? Там же тоже...

– В Китае своя специфика. Там зубы гигантопитека в аптеках продают как лекарство. Хочешь зуб древней обезьяны – езжай в Гонконг, в любой аптеке найдешь.

– А это идея! Зубы! Их же много, они мелкие, тащить легко...

– Тоха, мы не зубные феи. Мы черные палеонтологи. А зубы гигантопитека – это тебе не аммониты, там конкуренция лютая, их уже все скупили.

– Ладно, понял. Тучково. Аммониты и бедность.

Саня отложил телефон и посмотрел на Тоху. Тот рисовал карту с такой тщательностью, будто готовил вторжение в Нормандию. Стрелочки, кружочки, пометки "охрана", "обвал".

– Ты уверен, что мы не перебарщиваем? – спросил Саня.
– Мы едем просто камни собирать, а ведем себя как шпионы.

– Саня, – Тоха отложил карандаш и повернулся к нему с максимально серьезным лицом, – запомни раз и навсегда: в нашем деле лучше перебздеть чем недобздеть. Если мы недооценим опасность, мы сядем. Или нас убьют. Или сожрет борщевик. Выбирай.

– А если я отравлюсь каким-нибудь юрским вирусом?

– Саня, не парься. Во-первых, вирусы вне организма дохнут быстро. Во-вторых, даже если что-то живое там и осталось – твой иммунитет за миллионы лет эволюционировал. Они тебя даже не заразят, просто не смогут прикрепиться.

– Откуда ты знаешь?

– Древние патогены настолько отличаются от современных, что наш организм их не распознает как угрозу. Они для нас как... ну, как инопланетная жизнь.

Саня снова вздохнул.

– Теперь главное, – Тоха понизил голос до шепота. – Ле-

генда.

– Какая еще легенда? Что мы из клуба юных натуралистов?

– Мы художники на пленэре. Ищем натуру для серии картин "Пейзажи Подмосковья".

– Тоха, у тебя этюдник есть. У меня – нет.

– Ты будешь моим помощником. Носишь снаряжение, подаешь кисти, делаешь вид, что разбираешься в искусстве.

– А если спросят, в чем именно я разбираюсь?

– Скажешь: "Я художник-абстракционист, мне все равно, что рисовать, главное – настроение".

Саня посмотрел на Тоху долгим взглядом.

– Ты хочешь, чтобы я нес эту пургу охране?

– Охранники – люди простые, в искусстве не шарят. Услышат про абстракционизм – сразу подумают, что мы психи, и отстанут.

– А если спросят, почему мы копаем?

Ученые из "Парка Юрского периода" тоже хотели заработать на динозаврах, и все пошло по одному месту.

– Скажем, натурный материал ищем. Для скульптур.

– Ладно, – сказал Саня. – Допустим, мы едем. Допустим, находим. А дальше что? Как продавать?

– Есть схемы. – Тоха достал еще одну распечатку. – Смотри. Авито – это для мелочи. Для серьезных вещей есть закрытые форумы, телеграм-каналы. Там люди не светятся, платят налом, лишние вопросы не задают.

Следующие два часа Тоха читал лекцию. Саня слушал и пытался запомнить хотя бы половину.

– Значит, так. Юрский период. 200-145 миллионов лет назад. Делится на три эпохи: ранняя, средняя, поздняя. Нас интересует средняя, келловейский ярус. Это примерно 165 миллионов лет назад.

– Почему именно он?

– Потому что в Подмосковье именно келловейские отложения самые богатые. Там аммонитов – как грязи.

– Аммониты – это которые спиральки?

– Аммониты – это головоногие моллюски. Самые крупные раковины могут быть больше метра. Если найдем такого – считай, повезло.

– А белемниты?

– Это "чертовы пальцы", доисторические кальмары, похожи на сигары. Их много, они дешевле, для масс-маркета сойдут.

Саня почесал затылок.

– А где гарантия, что мы вообще что-то найдем?

– Гарантии нет. Но я смотрел отчеты геологов. Там каждый год что-то находят. Местные даже не понимают, что это, выкидывают.

– Местные выкидывают? То есть мы можем просто подбирать?

– Не совсем. В карьере техника работает, все перемалывает. Нужно копать в стенах, где слои обнажены.

– А если нас заметят?

– А если заметят – легенда про художников. Максимум – прогонят.

Следующие два дня они штудировали интернет. Тоха засыпал Саню ссылками, фотографиями, научными статьями и форумами.

– Смотри, – говорил он, тыча пальцем в экран. – Это *Cardioceras*. Узнаешь? Ребристая спираль, плоская форма.

– Угу, – мычал Саня, пытаюсь запомнить.

– А это *Cosmoceras*. Скульптура грубее, ребра толще. Ценится меньше, но тоже ничего.

– Запомнил.

– Аммонит хорошей сохранности стоит от 5 до 50 тысяч. Зависит от размера. Если с перламутром – дороже. Белемниты – от 500 до 2000 за штуку.

– А ихтиозавр?

– Тут, Саня, ценник другой. Позвонок – от 100 тысяч. Если целая серия – миллион. Если скелет – миллионы. Долларов, не рублей. Но это если совсем повезет.

– Тоха, мы едем за аммонитами. Давай без иллюзий.

– Без иллюзий нельзя, это ж топливо.

Саня хотел возразить, но понял, что Тоха прав. Если не мечтать о миллионах, зачем вообще ввязываться в эту авантюру?

– Значит, так, – говорил Тоха, размахивая руками. – Выезд в субботу. Встаем в пять утра, чтобы успеть на первую

электричку. К карьере подходим к девяти, как раз переселение будет.

Глава 3. Первый выход

Электричка "Москва – Бородино" отходила в 6:45 утра. Саня и Тоха сидели в тамбуре, потому что там можно было курить.

– В "Затерянном мире" с Уиллом Ферреллом герои попали во временную воронку и встретили динозавров. По состоянию электрички у нас тоже походило путешествие в прошлый век.

За окном проплывали серые окраины, сменяющиеся серыми лесами и серыми полями. Октябрьское утро не баловало красками.

Электричка, полная дачников с тележками, выплюнула их на полустанке, которого не было ни на одной карте. Просто деревянная платформа, ржавая табличка "165 км" и лес со всех сторон.

– Красота, – сказал Тоха, оглядывая серое небо и серую землю. – Прямо как в юрском периоде. Там тоже, наверное, было тоскливо.

– Там было тепло, море и пальмы, – поправил Саня, который за прошедшую неделю прочитал столько, сколько не читал за все годы учебы в школе и институте вместе взятые. – И никаких дачников.

До карьера было километра полтора лесом. Дорога размокла после дождей, ноги вязли в грязи, рюкзаки тянули

плечи.

– Тяжело, – пожаловался Тоха.

– Шевели булками, пока континенты не разошлись! Динозавры сами себя не откопают.

Наконец лес кончился, и они вышли к карьеру.

Первый пост обошли по оврагу, второй по полю, заросшему пожухлой травой, а третий... третьего не было, потому что охрана, как выяснилось, состояла из одного сторожа на выезде, который наверняка еще спал в будке.

– Вот вам и режимный объект, – прокомментировал Тоха.

Карьер был гигантский. Громадная яма, уходящая вниз террасами, стены, сложенные из разноцветных слоев желтого песка, серой глины, черной породы, красноватых прослоек. Где-то вдалеке урчали экскаваторы, пережевывая землю, но здесь, на краю, было тихо.

– Охренеть, – выдохнул Тоха. – Это же геологический разрез. Видишь слои? Вот этот, темный – это келловей. Точно он.

– Откуда ты знаешь?

– Я же фотки изучал. Это как слоеный пирог: келловей всегда темный, потому что богат органикой. А выше – оксфорд, там светлее.

– Аммониты где?

– В келловее. Пошли вниз.

Спуск был опасным. Глина скользила под ногами, камни сыпались, несколько раз Саня чуть не улетел вниз, но чудом

удержался.

– Осторожнее! – крикнул Тоха, который шел впереди. – Тут оползневые участки!

– Откуда ты знаешь?

– По трещинам! Видишь, стена пошла вертикальными разломами? Это значит, что слой нестабильный. Если полезем туда – завалит нахрен.

– Пошли в обход.

Они обошли опасный участок и наконец спустились к подножию стены.

– Аммиаком пахнет, – сказал Тоха. – Органика разлагается. Хороший признак.

– Хороший? Воняет же.

– Для палеонтолога это как музыка. Значит, слой богат на ископаемые.

Тоха выбрал место, где темный слой подходил близко к поверхности, и достал молоток.

– Бей здесь, – сказал он, указывая на трещину.

Саня размахнулся и ударил.

Кусок породы отвалился и упал к ногам. Внутри, на сломе, что-то блеснуло.

– Твою мать! – заорал Тоха. – Дай щетку!

Он рухнул на колени, достал зубную щетку и начал осторожно сметать глину. Саня стоял над ним, затаив дыхание.

Спираль проступала медленно. Сначала просто очертания, потом ребра, потом перламутр, заигравший на солнце

всеми цветами радуги.

– Лопни мои глазоньки, *Cardioceras*, – прошептал Тоха. – Саня... это косарь.

– Сколько?

– Тысяч пятьдесят. Минимум.

Саня почувствовал, как подкашиваются ноги. Он прислонился к стене и медленно сполз на землю. У него тряслись руки, а в голове крутилась одна мысль: полтос. Все его пени. За один камень.

– Я сейчас описаюсь от счастья, – сказал он, справившись с голосом. – Доставай и прячь.

– Только не в карьер, тут культурный слой.

Тоха аккуратно, как сапер мину, извлек аммонит из породы, завернул в майку и убрал в рюкзак.

– Едрить-колотить, – сказал он. – Это ж мы еще даже не начинали. Пошли дальше.

Следующие три часа они долбили стену как заведенные. Нашли еще три аммонита помельче, но тоже хороших, кучу белемнитов. И вдруг...

Молоток Сани ударил по чему-то твердому, но звук был не звонкий, как по камню, а глухой, как по кости.

– Стой, – сказал Тоха. – Не бей.

Он подошел, отодвинул Саню, и начал аккуратно обкапывать место. Минута, две, пять...

– Что там?

– Смотри.

Саня подошел ближе. Из стены торчало что-то большое, округлое, темное. Это было похоже на... на позвонок. Только огромный. Размером с голову.

– Это позвонок, – сказал Тоха. – Это, блин, огромный позвонок.

– Чей?

– Не знаю. Но это, Саня, серьезно. Если это часть скелета, то где-то рядом есть остальное.

– Если это часть скелета, то мы только что нашли не пятьдесят тысяч, а миллион.

– Или тюрьму.

– Надо звонить Кате.

– Ты с ума сошел? Мы на нелегальном раскопе. Если мы позвоним Кате, она...

– Она ученый. Она поймет.

– Или сдаст.

– Кейт Уинслетт из "Титаника" в каком-то фильме тоже аммониты искала, а мужики ее находки себе присваивали, потому что она – баба.

Короче, по сюжету она знаменитая палеонтолог Мэри Эннинг, которая в реальности нашла первый полный скелет ихтиозавра.

Они запомнили место и начали подъем.

Обратная дорога была хуже. Рюкзаки потяжелели килограммов на десять, ноги скользили по мокрой глине, а наверху их ждал сюрприз.

Сторож.

Тот самый, о котором предупреждали на форумах. Кариатурный дед в телогрейке, с собакой и с лицом человека, который долго чалился в местах не столь отдаленных.

– Стоять, – сказал он. – Кто такие?

– Мы художники, – бодро отрапортовал Тоха. – На пленэре.

– А чего рюкзаки тяжелые?

– Этюдники. Краски. Холсты.

Сторож подошел ближе, прищурился.

– А чего грязные такие?

– Мы... это... натуру искали. В глине фактура интересная. Для современного искусства.

– Для искусства, значит, – сторож хмыкнул. – А ну, покажь рюкзак.

Саня и Тоха переглянулись. В рюкзаках были ammonites, белемниты и главное – позвонок. Если сторож найдет...

– Дяденька, – сказал Тоха жалобным голосом. – Мы правда художники. Вот, этюдник. – Он показал этюдник, из которого, по закону подлости, вывалился белемнит.

Сторож наклонился, поднял "чертов палец", повертел в руках.

– Это что?

– Это... это карандаш. – Тоха понял, что ляпнул глупость.

– Карандаш, значит. А почему на хер собачий похож?

Саня зажмурился, все пропало.

– Это белемнит, – вдруг сказал сторож. – Я такие тут каждый день вижу. Вы копаете, да?

– Мы... – начал Тоха.

– Не ври. Я тридцать лет здесь работаю. Вижу, кто за чем приходит.

Саня приготовился бежать. Рюкзак тянул вниз, но адресалин толкал вперед.

– Но вы, – продолжил сторож, – вы какие-то не такие. На бандитов не похожи. Идите. Только если найдете что крупное – звоните мне. – Он протянул мятый листок с номером. – Я тут за порядком слежу.

– Спасибо, – выдохнул Саня.

– Идите уже. И помните: если кто спросит – я вас не видел.

Ночью они сидели в комнате Сани, разложив находки на полу. При свете настольной лампы аммониты отливали перламутром, белемниты лежали ровными рядами, а позвонок покоился на отдельной газете, как драгоценность.

– Слушай, – сказал Тоха, разглядывая позвонок через лупу, а ведь это действительно может быть сенсация. Пони-маешь? Целый ихтиозавр в Подмосковье. Обычно находят только зубы да отдельные кости. А если там есть еще...

Глава 4. Сезон дождей

Утром Саня встал, подошел к столу, потрогал позвонок пальцем. Холодный, тяжелый, настоящий. Вчерашнее не приснилось.

– Красивый, – сказал он. – Зуб даю, это ихтиозавр. Форма двояковогнутая. У плезиозавров плоские позвонки, а у этих – как линзы.

– Откуда ты знаешь?

– Ночью читал, пока ты спал. Не мог уснуть – все думал о нем. Я теперь знаю про ихтиозавров больше, чем некоторые кандидаты наук.

– И что ты теперь предлагаешь?

– Предлагаю ехать снова. Пока сезон не кончился. Дожди обещают всю неделю – значит, слои будут обнажаться. Если повезет, найдем еще.

– А если там скелет?

– Если там скелет, мы станем богатыми. Или знаменитыми. Или мертвыми. Все варианты интересные.

Саня посмотрел в окно. За окном моросил мелкий октябрьский дождь, праздник для копателя.

– Едем, – сказал он.

Второй раз всегда страшнее первого. Первый раз – это неведение, авантюра, игра. Второй – это осознанный риск, когда ты уже знаешь, что можешь найти, и примерно пред-

ставляешь, что за это может быть.

Перед отъездом Саня решил все же позвонить Кате. Руки тряслись, сердце колотилось, но надо было.

– Алло? – голос в трубке звучал озабоченно.

– Катя, это Саня. Мы... ну, это... мы нашли кое-что.

– Нашли? Где?

– В лесу. Гуляли и нашли. Не по телефону. Вы не могли бы приехать?

– Что именно нашли?

– Кость. Большая. Похожа на позвонок.

– Позвонok? – голос Кати стал выше на октаву. – Размер?

– С голову.

– Офигеть. – Катя, кажется, забыла, что она ученый и должна выражаться прилично. – Вы где?

– В Кузьминках.

– Через час буду. Никуда не уходите. И ничего не трогайте! И никому не говорите! Сидите тихо!

Катя приехала через сорок минут. Вбежала в квартиру, даже не разувшись, и сразу уставилась на позвонок.

Минуту она стояла молча. Потом еще минуту. Потом села на стул и выдохнула:

– Вы понимаете, что это? Это ихтиозавр. Средняя юра. Сохранность – идеальная. Таких в Подмосковье находили раз пять за всю историю. И то фрагменты. А это целый позвонок. Где вы его взяли?

– В лесу нашли, – быстро сказал Саня.

Катя посмотрела на него долгим взглядом. Очень долгим. Таким долгим, что Саня почувствовал, как его биография проносится перед глазами, включая те эпизоды, которые он сам забыл.

– В лесу, значит, – сказала она. – В каком? В Тучковском?

– Почему сразу в Тучковском?

– Потому что в других лесах Подмосковья нет келловейских отложений. А этот позвонок – келловейский, я по породе вижу. – Она постучала пальцем по глине, присохшей к позвонку. – Я такие образцы в институте видела.

Саня и Тоха переглянулись.

– Мы... – начал Тоха.

– Не врите, – перебила Катя. – Я не мент. Я ученый. Мне плевать, как вы это нашли. Мне важно, где. Потому что если там есть один позвонок, значит, где-то рядом есть остальное. И это остальное надо спасти, пока его не разграбили черные копатели. Или не взорвали местные придурки.

– Взорвали? – не понял Саня.

– В карьерах сейчас такое творится. Бандиты с перфораторами долбят все подряд. Если наткнутся на скелет – раздолбают в щебенку и продадут как сувениры. Вы представляете? Уникальный экземпляр, который мог бы стать сенсацией, пойдет на поделки для туристов.

Саня представил. – Мы покажем, где нашли, – сказал он. – Только...

– Только что?

– Только мы там нелегально были. Если нас поймают – статья.

Катя посмотрела на них, потом на позвонок, потом снова на них.

– Вы идиоты, – вздохнула она. – Но везучие. Поехали.

– Куда?

– В карьер, покажете место. И захватите молотки, работать будем.

Выехали в десять вечера на катиной старой "Тойоте".

– Почему ночью? – спросил Тоха.

– Потому что днем там охрана и конкуренты. Ночью – только мы и звезды. И, может быть, бандиты. Но бандиты обычно пьют по ночам.

– А какие факты говорят о том, что бандиты пьют по ночам?

– Факты говорят, что за последний месяц в этом карьере поймали три группы черных копателей. Всех днем. Ни одной ночью. Делайте выводы.

Саня и Тоха переглянулись. Выводы были такие: либо бандиты действительно пьют по ночам, либо они просто умнее и работают тихо.

Дорога заняла часа полтора. Катя вела уверенно, даже в темноте находя повороты, которых не было видно.

– Вы здесь часто бываете? – спросил Саня.

– Каждые выходные. Собираю материал для диссертации. Только днем. Ночью первый раз.

Карьер ночью оказался красивым. Лунный свет заливал стены, делая их серебристыми. Глина блестела как фольга. Тишина стояла такая, что было слышно, как где-то далеко осыпается порода.

– Красота, – выдохнул Тоха.

– Красота, – согласилась Катя. – Только опасная. Держитесь ближе ко мне и смотрите под ноги.

Они спустились вниз по той же тропе, что и в прошлый раз. Саня вел, ориентируясь по приметам: причудливый валун, трещина в стене, куст, которого уже не было, кто-то срубил.

– Здесь, – сказал он, останавливаясь у стены. – Мы здесь копали.

Катя включила мощный фонарь и осветила стену. Минуту она водила лучом по глине, потом ахнула:

– Твою ж дивизию!

– Что? – подскочил Тоха.

– Смотрите.

Она направила фонарь на стену, и Саня увидел то, чего не замечал в прошлый раз. Вся стена была усеяна мелкими костями. Ребра, позвонки, какие-то обломки – все это торчало из глины, как зубы из гигантской челюсти.

– Это не одна особь, – прошептала Катя. – Это кладбище. Несколько скелетов в одном слое. Лагерштетт.

– Чего? – не понял Тоха.

– Лагерштетт. Место массового захоронения с исключи-

тельной сохранностью. Не только кости, но и отпечатки кожи, внутренних органов. Если здесь сохранились мягкие ткани – это уровень открытий Мэри Швайцер. Она в 2005 нашла коллаген в костях тираннозавра, и ей никто не верил 20 лет. И знаете, что самое смешное?

Этот коллаген оказался очень похож на куриный.

– То есть курица – это...

– ...ближайший родственник тираннозавра из ныне живущих. Если подумать, мы все чьи-то родственники. Эволюция не линейна и не иерархична, а разветвленное филогенетическое древо. Мы – одна ветвь, курица – другая. Но ствол у нас общий, и где-то в глубине юрского периода наши пути разошлись.

– Фу, не буду больше наггетсы покупать.

Катя упала на колени и начала руками разгребать глину. Саня и Тоха стояли рядом, не зная, что делать.

– Чего застыли? – крикнула Катя. – Копайте! Осторожно, щетками! Каждый камушек проверяйте!

В следующие три часа они нашли еще пару ребер и, самое главное, – фрагмент челюсти с зубом.

– Ихтиозавр, – выдохнула Катя, разглядывая зуб. – Точно он. Видите форму? Коническая, с бороздками. Такие зубы были у офтальмозавров. Это род ихтиозавров, жил в юрском периоде.

– Офтальм... кого? – переспросил Тоха.

– Офтальмозавр. Глазастый ящер. У них глаза были

огромными, чтобы видеть в темноте на глубине. Этот зверь видел в темноте лучше, чем мы днем.

Саня представил. Здоровенный ящер с глазами как тарелки, плавает в темной воде и ищет добычу. А через 165 миллионов лет два идиота и одна аспирантка ковыряются в его останках при свете фонарика.

– Катя, – сказал он. – А это точно сенсация?

– Саня, это переворот в науке. Это изменит все, что мы знаем о юрском периоде в Центральной России. Это...

Она не договорила. Сверху слышался шум. Кто-то шел. Несколько человек.

– Выключить фонари! – скомандовала Катя.

Тьма накрыла их мгновенно. Только лунный свет слабо освещал верхний край карьера.

– Кто это? – прошептал Тоха.

– Не знаю. Но точно не туристы.

Сверху доносились голоса. Грубые, матерные, с угрожающими интонациями.

– Я же говорил, тут кто-то копал, – сказал один. – Смотри, свежие следы.

– Это те двое, – ответил другой. – Которых мы в прошлый раз упустили.

– Надо проверить внизу.

Катя схватила Саню и Тоху за руки и потащила в сторону, туда, где темнел вход в старую штольню.

– Легенда? – спросил Тоха на бегу.

– Какая нафиг легенда? Бежим!

Они нырнули в заброшенную штольню за секунду до того, как сверху зажглись фонари. Узкий лаз, сырой воздух, темнота – хоть глаз выколи.

– Тихо, – прошептала Катя. – Не дышать.

Голоса приближались. Луч фонаря метался по стенам, хватывая из темноты то кусок породы, то старую крепь.

– Пусто, – сказал кто-то. – Ушли.

– Или спрятались. Тут штольни старые, можно залезть.

– Ну и залезай. А я тут постою, подожду, пока тебя завалят.

Минут двадцать они сидели в темноте, боясь пошевелиться. Потом Катя включила фонарь.

– Ушли, – сказала она. – Но могут вернуться. Надо уходить.

– А находки? – спросил Тоха.

– Находки останутся здесь. Мы вернемся с подмогой. А сейчас валим.

Они выбрались из штольни, огляделись. Карьер был пуст. Только луна светила на стены, подсвечивая глину и кости, которые еще минуту назад казались сокровищем.

– Бегом, – сказала Катя.

Они побежали.

В шесть утра они сидели на кухне Сани, пили кофе и молчали. Катя впервые за все время выглядела растерянной.

– Это были люди Полозова, – сказала она наконец.

– Кого? – не понял Саня.

– Аристарх Полозов. Олигарх, коллекционер. У него целый подпольный палеомузей. Он скупает все, что можно купить, и крадет все, что нельзя купить. Если он узнает про лагерштетт – пошлет туда армию.

– Армию?

– Бандитов с техникой. Они выдолбят стену экскаваторами, все повытаскивают и продадут на черном рынке.

– И что делать?

Катя посмотрела на него. В ее глазах было что-то новое – решимость, смешанная с отчаянием.

– Есть один человек. Старый ученый, академик Верховцев. Он в молодости работал в органах, консультантом. Если он поможет – мы опередим Полозова.

– Звони, – сказал Саня. – Чем быстрее, тем лучше.

Катя достала телефон и набрала номер.

– Владимир Сергеевич? Это Катя, аспирантка. Извините, что рано. У меня проблема. Большая проблема. Научная. И немного криминальная.

Пауза. Потом она продолжила:

– Мы нашли лагерштетт. Целое кладбище морских рептилий. Сохранность – супер. Но за нами уже следят люди Полозова.

Еще одна пауза.

– Да, я понимаю. Да, риск есть. Да, мы нарушили закон. Но находка стоит того. Вы приедете?

И последняя пауза, самая долгая.

– Спасибо. Ждем.

Она отключилась и посмотрела на них.

– Едет. Через два часа будет здесь. С охраной.

– С охраной? – переспросил Тоха.

– Он старый, больной параноик. Но если он сказал "еду", значит, дело серьезное.

Саня откинулся на стуле и закрыл глаза. В голове крутилась одна мысль: мы вляпались. По самые уши. В историю, в науку, в криминал.

Глава 5. Легенда трещит по швам

Два часа ожидания растянулись в вечность.

Тоха экспериментировал с набросками позвонка, смешивая кубизм с сюрреализмом. Катя звонила каждые пятнадцать минут то в институт, то в музей, то куда-то еще, откуда доносились взволнованные голоса и обещания "все решить".

Саня успел сварить шесть чашек кофе. И немного нервничал.

– Слушай, а я все про жабры у эмбриона хотел спросить. С ними та же фигня, что и с хвостом?

– В целом да. Первая пара становится челюстями и слуховыми косточками. Вторая пара стремечком, подъязычной костью и шиловидным отростком височной кости. Третья пара щитовидным хрящом.

– То есть наши челюсти и уши – это бывшие жабры?

– Ага. И гортань, и часть шеи, и щитовидка заодно.

– Приятно осознавать, что я говорю жабрами.

– А дышишь знаешь чем? Легкие – это вообще отдельная песня. Они из выпячивания передней кишки образовались.

– То есть все, что у меня внутри – это переделанные рыбы запчасти?

– А вот и наш гость, – вскочила Катя, выглядывая в окно.

Во двор въезжал черный внедорожник с тонированными стеклами. За ним – еще один.

– Это он? – спросил Саня.

– Ага. Только я думала, он один приедет, а он с кортежем.

– С кортежем? Он че, президент?

– Просто академик.

Из первого внедорожника вышел квадратный охранник, с лицом человека, который умеет убивать голыми руками. Он открыл заднюю дверь, и оттуда, кряхтя и матерясь, выбрался... старик лет семидесяти пяти, сухой, жилистый, с портфелем в руке.

– Владимир Сергеевич! – Катя выбежала навстречу.

– Здравствуй, Катя, – сказал старик голосом, в котором слышалась академическая выучка. – Где находка?

– Здесь. В квартире.

– Веди.

Саня и Тоха стояли в прихожей, чувствуя себя школьниками, которых вызвали к директору. Ученый вошел, окинул их строгим взглядом и направился к столу, где лежал позвонок.

Он достал лупу, осмотрел поверхность. Потом постучал по позвонку пальцем – нежно, как по стеклу.

– *Ophthalmosaurus*, – сказал он. – Средняя юра. Где нашли?

– В Тучково, где старые выработки, – выдохнула Катя.

Академик выпрямился и посмотрел на Катю долгим взглядом.

– Ты понимаешь, что это значит?

– Понимаю.

– Там может быть полный скелет.

– Да, мы там нашли еще челюсть в зубом и пару ребер.

Академик перевел взгляд на Саню и Тоху.

– А эти двое?

– Это они и нашли. Любители.

– Любители, значит. – Академик усмехнулся. – Любители обычно находят грибы или бутылки. А эти ихтиозавра. Где копали?

– Мы... – начал Саня.

– Не ври. Я тридцать лет в органах проработал. Врунов за версту вижу. Где копали?

– В карьере, – сдался Саня. – Без разрешения.

– Понятно. – Академик сел на стул и жестом пригласил всех сесть. – Значит, так. Ситуация следующая. Вы нарушили закон. Статья 243.2, группа лиц по предварительному сговору, с использованием техники, до шести лет.

– Мы... – попытался вставить Тоха.

– Молчать. Я не закончил. Вы нарушили закон, но нашли сенсацию. Это называется "смягчающие обстоятельства". Если мы сейчас правильно разыграем карты, вы станете героями, а не уголовниками.

– Как? – спросил Саня.

– Очень просто. Вы не копали. Вы гуляли, увидели обнажение, заметили кость и сообщили Кате. Которая сообщила мне. Я сообщу в Минкультуры. Приедет комиссия, зафикси-

рует находку, оформит все официально. Вы – свидетели, а не подозреваемые.

– А если проверят? Если увидят следы раскопок?

– А кто будет проверять? Я скажу, что это естественное обнажение. Мне поверят. Я старый, больной, заслуженный. И, между прочим, никогда не вру.

Саня и Тоха переглянулись. Перед ними сидел черный пояс по подковерным интригам.

– Спасибо, – сказал Саня.

– Не за что. – Академик встал. – Катя, собирайся. Едем в карьер. Пока Полозов не пронюхал.

– А мы? – спросил Тоха.

– А вы сидите тихо и не рыпаетесь. Если все будет хорошо, я позвоню. Если плохо – вы ничего не знаете, никого не видели, первый раз слышите. Поняли?

– Поняли.

– И еще. – Академик достал визитку и протянул Саня. – Если вдруг Полозов выйдет на вас – звоните по этому номеру. Там ответят.

– Кто ответит?

– Люди, которые умеют решать вопросы. Не задавай лишних вопросов.

Академик вышел, сопровождаемый квадратным охранником. Через минуту кортеж уехал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.